
ДНЕВНИК ЛИТЕРАТОРА

Галина
ФРОЛОВА

В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

Александр Башлачев рано ушел из жизни. Он оставил нам около шестидесяти песен. Очень непрос-тые для восприятия, они таят в себе необычный мир. Текст словно зашифрован и ждет «ключа», который открыл бы его символику.

За песнями Башлачева закрепи-лась слава «языческих». И это не случайно: стихия язычества стала их сердцевиной. Как-то в одном из интервью Башлачев — с присущей ему даже в обыденности метафоричностью — назвал русскую пе-сенную традицию «гениальной по-лудикой язычницей». В этом убеж-даешься, открывая в его очень рус-ских песнях целый пласт древней, полузабытой культуры. В них, дей-ствительно, «вселилось» язычество, если понимать под этим — особый психологический настрой на ир-реальное, основанный на мифах, предсказаниях, приметах... «Языче-ство» — это ведь от слова «язык», что значит — среди других значе-ний — и «народ». Народное миросо-зерцание, родившееся, наверное, одновременно с человеком и живу-щее в фольклоре...

Стихи-пес ни Башлачева загадоч-ны. Они полны смысловых, звуко-

вых ассоциаций, которые и создают тайну подтекста.

Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас ни пас, худом ли, добром,
Вечный пост, умойся в моей любви.
Небо с общину,
Всё небо с общину.
Мы празднуем Первый Гром!

В древнем сознании природа и че-ловек были единым целым, одним гармонично уравновешенным орга-низмом. Природа одушевлялась и, подобно человеку, была способна и ликовать, и пребывать в скорби. А человек виделся частью мирозда-ния, человек сам — малый Космос, отражающий в себе Вселенную. Этому образу тысячи лет. В древних легендах о «космической» сущности человека говорится так:

Солнце — мой глаз,
ветер — дыхание,
вода — кровь,
земля — мое тело...

Солнце — мой глаз... Не потому ли мир древних столь «объемен» — видится как бы с высоты? «Пано-рам ностью» назвал Д. С. Лихачев это свойство зрения далеких праде-дов. Пространство раздвинуто до беспредельности, оно «сверхпрово-димо», дороги широки, препятствия сказочны.

А рождает та земля великанов. Тучи им постель и одежда, рог раду-ги утоляет жажду, а богатырская кровь становится реками... Только сверху, с высоты птичьего полета, можно обозреть всю масштабность лишнего границ мира.

И эту картину увидишь, лишь приподнявшись над землей:

Я опять на краю
знаменитых Вологоданьских лесов.
Как эскадра в строю,
проплывают корабли деревень,
и печные дымы — столбовые мачты
без парусов...
(«Зимняя сказка»)

Башлачев в своих песнях удиви-тельно остро ощущал простран-ство. Наверное, поэтому символом веры для него стали колокольчики. Очень русской веры — в дорогу, в движение, в простор...

«Широкое пространство всегда

мыкаясь в годичном цикле. Оно словно застывало в бесконечном повторении; сгорало костром лето, проходила осень, оставляя в наследство гнетущий непокой... Саша жил в вечном холоде зимы:

Кто смажет нам раны
и перебинтует нас,
кто нам наложит швы?
Я знаю — зима в роли моей вдовы.

Он погиб в конце февраля, так и не дождавшись «заболевшей» и опаздывающей весны...

Когда-то христианскими вероучителями было введено понятие «языческая тьма», а временем господства языческих — темных — сил была названа зима. С этим приходится согласиться, когда оказываешься в «зимнем» мире Башлачева, мире трагических предчувствий и заклинаний судьбы.

Как ежегодно природа погружается во мрак ночи, цепенеет в зимнем безмолвии, так для Башлачева зима становится символом смерти. В его «зимних» песнях нет места светлой пютчевской торжественности («Чародейкою-Зимой околдован лес стоит...»). А есть ощущение закованной в лед мертвой безжизненности.

Ой-ё-ёй, спроси, звезда,
Да скоро ли сам усну,
Отлив себе шлем из синего льда?
Белым зерном меня кормит зима.
И сойти с ума не сложней,
Чем порвать струну...

«Спроси, звезда» — эта песня словно мерцает синим ледяным светом, в ней Башлачев пытался заговорить судьбу.

«Лирикой предчувствий» назвал Лихачев настрой древнерусской литературы. А там, где она особенно тесно смыкается с фольклором, напряжение ожидания достигает особенной силы. Будущее воспринимается как рок. Кажется, что Башлачев ни на миг не расставался с мучительным ощущением конца.

Я мету сор новых песен
из старой избы,
отбивая поклоны, мне хочется
встать на дыбы,
но там только небо в кольчуге
из синего льда...

«Спроси, звезда» — этим рефреном пронизана вся песня. Повтор, этот пульс судьбы, не только дает песне напряжение; в нем — первобытная вера в могущество слова.

«Будьте слова мои крепче камня и булата» — звучало в древнем заговоре. Как у своей тени человек пытался увидеть собственную плотную сущность, так и слово, «отделенное» от человека, становилось силой магической и временной. И сколь беспощадно ни истреблялись во все века маги и чародеи, в людях сохранялась вера в «неведомые слова», «чары» и «лечбы».

Реальный мир в первобытном сознании был нереально зыбок. Тогда даже камень представлялся живым... Тогда к самому солнцу можно было обратиться с просьбой. И верилось, что оно услышит. Миром правила неистребимая магия — тысячелетиями выработанный «подход» к вселенским силам.

В своей песне Саша просил о спасении — звезду.

Звезда — хранительница человеческой жизни... Читаем у известного фольклориста прошлого А. Н. Афанасьева это замечательное предание о звездах. Искра небесного огня загорается при появлении человека на свет. Сказочные Пряхи, Девы судьбы, начинают ткать нить новой жизни, а конец ее прикрепляют к появившейся звезде. Крепка ли будет эта нить? Когда придет ей срок порваться, и звезда, упав, возвестит о чьей-то смерти?

Упадет звезда поднебесная,
Угаснет свеча воска ярого —
Не станет у нас млада царевича... —

поется в народной песне.

Непрочна готовая в любую минуту порваться жизненная нить. Все больше на ней связующих узлов — воспоминаний о трудностях и несчастьях. В одной из песен Башлачева есть и об этом строка:

Но как хочется жить,
Не меньше, чем спеть,
Свяжи мою нить в узелок!

Порой, как сеть, опутывает человека нить судьбы. Слишком много бывает на ней узлов...

Башлачев жил в постоянном напряжении. Гнет, несвобода, оцепенение («то ли спим, то ли нет, а и не поймешь нас — ни живы, ни мертвы») были для него источником боли. Наверное, поэтому в каждой своей песне он наедине со смертью.

В «Посошке» — с глазу на глаз. В этой песне метель плетет в кружева пеньковую пряжу. Кроит белый шелк для посмертной рубахи. Страшная — сырая — метель, дьявольское кружение темных сил, как у Пушкина в «Бесах».

Тяжел и опасен путь навстречу смерти, уход из мира живых. В этом скорбном путешествии человек сдержан и молчалив...

Эх, налеп посошок,
да зашей мой мешок:
на строку по стежку,
а на слова по два шва...

Огоньки блеснут у последней заставы, и горячий штык часового поднимет входящему веки. Зловещ этот страж — хозяин царства мертвых. Он может лишить человека последнего пристанища, превратив в скитальца.

А ты меня не щади,
срежь ударом копыя,
но гляди — на груди
повело польнюю,
расцарапав края,
бьется в ране ладья...

Кто он, этот неведомый, к кому обращена песня-мольба? Светлый христианский бог, снисходительный к людским слабостям и награждающий добрых? Грозный ли царь тьмы? Сама ли Смерть, то Лихо, которое заказано будить? Мудрый народный разум остерегался поминать словом беду. «Сказал бы словечко, да волк недалечко...» Несчастье можно было и накликать.

И запел алый ключ,
закипел, забурился,
завертело ладью
на веселом ручье...

...Древний обряд погребения. Царь руссов отправляется в последний путь в ладье. «Подошел ближайший родственник, зажег деревяшку и пошел к вытащенному из

реки кораблю. Потом пошли люди с кусками дерева и с каждым из них лучина, которой они зажигали сложенные перед кораблем дрова. И принимается огонь за корабль, за мужа, за палатку и за все, что в ней. И превращается корабль в мельчайший пепел. Потом они построили на месте этого корабля нечто, подобное холму, водрузили в середине его большую деревяшку, написали на ней имя этого мужа и царя руссов и удалились» (Ибн-Фаддан. «О руссах». 922 г.)

...Гигантские погребальные курганы высились посреди степи. Бывало, придавали им форму огромной ступни: словно, выросши в размерах и оттолкнувшись от земли, отправлялся обитатель кургана посланцем к небу — за теплом, светом, дождем. Небо было тем «космосом», то есть «порядком, миром, ладом», где неизменный закон правил светилами и извечным годичным циклом.

Это было время поражающих воображение космических обсерваторий и фантастически-причудливых представлений о мире, человеке и Вселенной.

Тогда же, наверное, и родилась идея бессмертия. Предки были много мудрее нас, окончательно порвавших связь с породившей человека землей. Древние знали: не может быть конечно человеческое существование, как бесконечна — в смене времен года, умирания и воскрешения — природа. Поистине, это было вполне материалистическое решение проблемы жизни и смерти. «Возносимые с огнем с земли на небо частицы умершего попадают затем разными путями — со светом, воздухом, дождем — в тела живущих людей, т. е. обретают новое существование, вливаются в новый цикл бытия», — читаем в книге археолога Ю. Шилова «Звездные тайны курганов».

Песни Башлачева обладают парадоксальным свойством: неся неизменное ощущение гибельности, каждая из них отмечена печатью высокой умиротворенности. Они словно освещены изнутри — надеждой на возрождение.

Как у великого философа Гёте:
«Смерть для жизни новой...»

И когда Башлачев писал:

Но завтра — утро. Все сначала
Заплетать на тонких пяльцах
недоотрогу-нить, —

он знал, что его песни помогают
другим выжить.

Чтоб кому-то полегчало...

...Когда-то человек, взяв в руку
первобытный резец, высек на камне
подобие «елочки». Оказывается,
этой елочкой был увиденный в поле
колос. Прадеды мыслили категори-
ями конкретного, видимого мира, и
животворящий колос, отдающий
земле свои семена, входящий в не-
прерывный круговорот обновления,
стал для них символом бесконеч-
ности жизни. Испещряя «елочками»
стены каменных гробниц, люди бо-
ролись с небытием. А древнейшие
мистерии «погребения зерна» слу-
жили «школой космического бес-
смертия» (это замечательное срав-
нение взято из книги К. Кедрова
«Поэтический космос»).

Первобытным зрением и колос
виделся иначе: как община, содру-
жество, где каждое зернышко —
человек. А в небе, как в зеркале,
отражалась земля, и зернами ста-
новились звезды. Помните: «Все не-
бо с общину»?...

Башлачев жил предельно яркими
ощущениями древних:

Глянь, небо какое!

Собрать с неба звезды пречистой
рукою,

Смолоть их мукою

и тесто для всех замесить.

А дальше известно: меси свое тесто,
да носи свое тесто на злбное место,
пуксай подрастет на вожжах...

Поразительны эти созвучия Баш-
лачева. Они дают слову объем, соз-
давая второй, третий, четвертый
план. И «злбное место» становится
«злбным» — зловещим вдвойне.
«Мукой, не мукою все приметы за-
сыпает...» Мука — мука — родство
этих слов невозможно постичь
умом, корни звуковых ассоциа-
ций — в подсознании. Наверное,
внутри словесного ряда «зерно —

молотьба — мельница — мука —
печь» и кроется разгадка смертель-
ной боли песен Башлачева.

Сухими дровами — своими словами,
своими словами держи в печке пламя,
да дракой, да поркой — чтоб мякиш
стал коркой,
краюхой на острых ножах...

Песни Башлачева прошли сквозь
очистительную стихию огня.

...В особом, исключительном пе-
ред другими странами положении
находилась лесная и деревянная
Русь: по словам С. В. Максимова,
она вся, как неугасимый костер,
никогда не потухает совершенно... В
ужасе и трепете душевном поклоня-
лись наши предки могущественной
силе огня. Это тот огонь, который,
по древнему преданию, призвал к
бытию первого человека, возжег в
нем пламя жизни.

Этим огнем горели ритуальные
костры, через которые прыгали в
таинственную купальскую ночь.

На этом огне сгорел мятежный
протопоп Аввакум.

Не отсюда ли неизбежно тревож-
ное состояние русской души? Та
страсть, выходящая за границы воз-
можного, которая живет в каждой
песне Башлачева. Особенно в
этой — «Пляши в огне». В ней
сквозь каждую фразу просвечивает
славянский миф...

Весело ли, грустно
да по Руси по руслу
течет река.

Ой, как течет река в облака,
да на самом дне
мечется огонь,
и я там пляшу в огне!

«Русь — русло — река». Массу
ассоциаций рождает этот ряд. В об-
разной памяти оживает поэзия, та,
о которой писал замечательный уче-
ный-фольклорист А. А. Потебня:
«Вся область народной магии и об-
рядности оказалась рудою, где бле-
щет золото неподдельной поэзии».

«Русь — русло — река»... Уче-
ные отрицают родство столь созвуч-
ных слов, но как глубинна их воз-
можная связь!

Страна и река издавна в народ-
ном сознании сливались в единое
целое; так, «шлемом испить Дону»

значило покорить донскую землю. Река была и почитаемым источником жизни, «водой-царицей». И местом скорби: на берегу ее каялись и оплакивали близких. Она была и печальным потоком богатырской крови, и, конечно же, не случаен этот башлачевский образ в «Петербургской свадьбе»: «Из раны бьет Нева в пустые рукава...»

«Как течет река в облака»... Здесь река — неостановимое время, которое у Башлачева не бесстрастно. Оно горит палящим огнем и сжигает человека изнутри.

Раз уж объявился в аду,
Так ты пляши в огне!..

Но как часто этот огненный поток времени застывает, скрываясь под броней льда:

Я молюсь, став коленями на горюх,
Меня слышит бог, Никола,

лесная вода,
Но сабля ручья спит в ножнах
из синего льда...

Входя в «зимний» мир песен Башлачева, невольно вспоминаешь: «В подвалы слов не раз сойдет искусство, держа в руках свой потайной фонарь» (С. Маршак). Любая песня — это замкнутый мир, в котором захватывает дух от тревоги. И все время ждешь, что вот-вот тьма раздвинется и откроется светлый простор с рождающимся где-то сверху глубоким звуком:

Имя имен
взято ветром и предано колоколам...

Так бывает в старых сказках, когда их героям приходится пройти сквозь трещину горы Кошцева царства, «войти в одно ушко и выйти в другое», побывать в дупле и чреве кита. Чтобы, как сквозь узкое горлышко песочных часов, из настоящего пробраться в другое время, в другое измерение. Порой приняв другое обличье. Это ведь тоже из сказки о перевоплощении — у Башлачева:

Перекрести нас
из проруби да в кипятке...

Саша, наверное, лукавил, говоря, что не знает, о чем «Грибо-

едовский вальс». Эта песня о том, как трудно побывавшему по ту сторону реальности вернуться на поверхность настоящего. Маленький человек Степан Грибоедов, заблудившись в лабиринтах времени, решил остаться там, в пригрезившемся мире.

Он смотрел голубыми глазами,
Треуголка упала из рук,
И на нем был залитый слезами
Императорский серый сюртук...

В песнях Башлачева свой отсчет времени. Прошлое — настоящее — будущее словно слиты воедино. Как в Древе жизни: корни — ствол — крона. Трагичен этот образ — Древа жизни — в песне «Ржавая вода»:

Но ветки колючие
обернутся острыми рогатками,
да корни могучие
заплетутся грозными загадками...

«Когда лес рубят, его рубят на корню, т. е. корни всегда остаются в земле. Они могут тлеть сотни лет, могут смешаться с землей, но они остались — корни этих деревьев...» — размышлял Башлачев в одном из интервью. Мощные силы корней, силы Истории таинственно определяют ход событий.

Отчего же Древо Башлачева лишено кроны и столь безысходны «острые рогатки» будущего? «Было ясно, как он кончит. Другого конца у него не могло быть по всему — по жизни его, по тому, как он ко всему относился... Никто не мог его остановить», — вспоминают друзья. Загадка смерти Башлачева — загадка его «корней».

Это был удивительный человек. Он признавался: «Понимаете, самое главное, когда человек скажет: „Ты спел, и мне хочется жить“, мне после этого тоже хочется жить». Башлачев так и не смог «выжить», но одну из своих последних песен он назвал «Все будет хорошо». Откуда же эта светлая одухотворенность песен, написанных в предчувствии конца?

Пала роса. Пала роса.
Да сходил бы ты по воду, мил человек,
мил человек...

Кажется, что эти строки, завершающие одну из последних и одну из самых «зашифрованных» песен Башлачева «Имя имен», несут ключевой — для всего им написанного — смысл. В них — тысячелетняя вера: роса, эта земная влага, посылаясь небом как все рождающие зернышки жизни... Может быть, Саша постиг древнюю истину, что человек не уходит навсегда и, уходя, обязательно вернется?

«Смерть для жизни новой...»

«Посошок», «Вечный пост», «Зимняя сказка», «Имя имен» —

как загадочные курганы посреди степи реальности. Но, как в каждом насыпанном над погребенным кургане древние оставляли выходы-лазы в сторону весеннего солнца, так в любой песне Башлачева есть прорыв из закольцованного времени — к космическому свету...

Имя Имен

вырвет все то,
что до срока зарыто.

В сито времен

бросит боль и былинку,
чтоб истиной к сроку взошла...